

Ларе и другим людям, которые на протяжении всей жизни помогли мне чувствовать себя любимым.

Спасибо.

Будешь ты знать еще то, что люди свои все несчастья
Сами своею виной на себя навлекают в безумьи
И выбирают свободно каждый свои испытанья.
Горе несчастным! В своем ослепленье безумном не видят
Люди, что в их глубине таится желанное счастье¹.

«Золотые стихи Пифагора»²

Больше всего же стыдиться должен ты сам пред собою.

«Золотые стихи Пифагора»

¹ Перевод Е. П. Казначеевой; то же для следующего фрагмента.

² Свод этических поучений пифагорейцев, неэзотерическая часть их учения, которую они посчитали нужным озвучить вовне своего общества.

Пролог

25 марта 510 года до н. э.

«Один из них — мой преемник», — подумал Пифагор.

Он сидел на земле, скрестив ноги, склонив голову и закрыв глаза, погруженный в глубокую медитацию. Перед ним сидели шестеро. И ждали.

Философ преодолевал непостижимые границы, созерцал человеческий дух и законы космоса. Отныне его главная задача состояла в том, чтобы основанное им братство не утратило учения, когда его не станет.

Он глубоко вдохнул терпкий дымок благовоний. Было прохладно, в воздухе нежно пахло миртом, можжевельником и розмарином — очищающими травами, которые ученики воскурили в начале этой особенной встречи.

Непоколебимая твердость его духа внезапно пошатнулась. Сердце на пару секунд замерло, и он приложил титанические усилия, чтобы лицо не дрогнуло. Напротив сидели самые способные ученики, ожидая, когда он выйдет из медитации и заговорит. «Они не должны ничего замечать», — встревоженно сказал он себе. Он всегда делился с учениками предчувствиями, но только не сейчас. Предзнаменование было слишком мрачным. Оно мучило его неделями, и он упорно молчал, не раскрывая подробностей.

Пифагор медленно выдохнул. Темная власть предчувствия усилилась, когда они оказались в храме; однако не было никаких признаков того, что им угрожает опасность.

Шестеро мужчин, сидевшие полукругом и облаченные в простые льняные туники, принадлежали к высшему кругу

братства — к великим учителям. За эти годы он глубоко привязался к ним и гордился ими. Самые развитые умы эпохи, каждый из них внес личный вклад в пифагорейское учение. Однако лишь тот, кого он назначит преемником, получит последнее наставление и вместе с ними поднимется на заключительную ступень, отделяющую человеческое от божественного.

С годами духовный наследник обретет невиданное в истории земное могущество. Он станет вождем пифагорейских элит, которые правят, следуя моральным принципам братства, на все более обширной территории. Братство распространилось за пределы Великой Греции¹: оно управляло городами изначальной Эллады, общинами этрусков, внедрялось в процветающий Рим. Их ожидали Карфаген, Персия. ...

И все же ученики не должны забывать, что земное могущество не цель, а всего лишь средство.

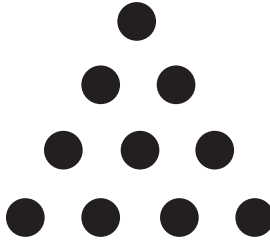
Пифагор неторопливо поднял голову и открыл глаза.

Шестеро учеников вздрогнули. Огонь в золотистых глазах учителя горел сильнее, чем когда-либо. Белоснежные волосы спадали на плечи и, казалось, сияли, как и густая борода. Ему было за семьдесят, но он сохранял почти первозданную силу юности.

— Наблюдайте за тетракτισом, ключом к вселенной. — Голос Пифагора, глубокий и мягкий, раздался в торжественной тишине полукруглого храма.

В правой руке философ держал ясеневую ветку, которая указывала на мраморный пол. Между собой и учениками он разложил небольшой пергамент с несложным рисунком. Треугольник из четырех рядов точек. В основании четыре точки, следующий ряд — три, затем две и, наконец, одна. Эти десять точек в треугольнике были одним из основных символов братства.

¹ Греческие колонии в южной Италии — на побережьях оконечности Апеннинского п-ова и на Сицилии; среди этих колоний — города Кротон и Сибарис, где разворачиваются основные события романа.

Пифагор продолжал, голос его звучал величественно и властно.

— В течение ближайших дней последний час наших занятий мы будем посвящать анализу числа, содержащего все и вся. Это число — десять. — Он указал ясеновой веткой на тетрактис. — Десятка содержит сумму геометрических измерений. — Он поочередно коснулся веткой каждого ряда, нарисованного на пергаменте. — Один — точка, два — линия, три — плоскость, четыре — трехмерное пространство.

Наклонился вперед и вгляделся пристальнее.

Когда он снова заговорил, голос его звучал строже.

— Десятка, как вы знаете, символизирует полное завершение цикла.

Произнеся последние слова, он посмотрел на Клеоменида, ученика, сидящего справа от него. Тот сглотнул слюну, сдерживая прилив гордости. Было очевидно, что Пифагор говорил о своем уходе и о том, кто его сменит. Пятидесятишестилетний Клеоменид знал, что он один из главных кандидатов в преемники. Замечательный математик, хотя, возможно, и не самый блестящий, выделялся прежде всего неукоснительным соблюдением строгих моральных правил братства. А также и своим политическим весом, поскольку происходил из известного аристократического семейства Кротона и умело вмешивался в дела правительства.

Лицо Пифагора смягчилось, казалось, он вот-вот улыбнется. Клеоменид был главным кандидатом, однако с принятием окончательного решения Пифагор не спешил. Прежде следовало проанализировать поведение всех учеников, когда

они узнают, что решается вопрос о преемственности. Выбор кандидата мог затянуться на несколько месяцев, однако сейчас ему хотелось увидеть их первую реакцию, самую показательную.

Он перевел взгляд на Эвандра, чье лицо выражало искренность и простодушие. Один из самых молодых членов его внутреннего круга в свои сорок пять. Отец его был купцом из Тарента и регулярно навещался в Кротон. Эвандр, второй сын, много помогал отцу, чтобы научиться управлять делом; но однажды, двадцать пять лет назад, он услышал речи Пифагора и сразу же решил присоединиться к братству. Отец отправился к философу, чтобы выразить свое возмущение. Через полчаса он покинул общину, счастливый тем, что оставил с этими людьми своего сына, а впоследствии тоже принял посвящение и, пока жизнь его не угасла, регулярно посещал общину.

Крепкий и энергичный Эвандр оставался таким же преданным, как и в тот первый день. Сохранял он и природную импульсивность, изрядно смягченную постигнутой мудростью.

«Для достижения полного самообладания ему потребуется еще несколько лет практики», — размышлял Пифагор.

Десять точек содержал в себе тетрактис, десять мраморных статуй созерцали учителя и учеников. У ног богини Гестии¹, стоявшей позади Пифагора, горел священный огонь, который никогда не угасал. Гестия образовала идеальный круг вместе с девятью другими статуями, изображавшими девять муз, которым было посвящено святилище — Храм Муз.

Напротив Пифагора, заслоняя музу Калиопу и глядя на своего учителя со сдержанным почтением, сидел Гиппокреонт. Возраст в шестьдесят два года делал его самым старшим учеником высшей степени посвящения. Уроженец Кротона, он с ранней юности отошел от главных занятий своей семьи, политики и торговли, чтобы посвятить себя филосо-

¹ Богиня не только домашнего очага, как указано далее, но и, в широком смысле, правильного устройства общежития где бы то ни было — в семье, общине, государстве.

фии. Отшельник по призванию, он почти не покидал общину, в редкие же случаи, когда ему приходилось выходить за ее пределы, использовал свою особую харизму для достижения выгодных преобразований. Связи его семьи были очень важны для братства. Трое братьев Гиппокреонта входили в Совет Трехсот — высший руководящий орган Кротона — и также были посвящены в пифагорейство. Время от времени они наведывались в общину и соблюдали многие ее заповеди, а также управляли городом вместе с другими пифагорейскими представителями.

«Гиппокреонт, если бы твоя натура не чуралась политики, как кошка воды, ты мог бы стать главным кандидатом», — подумал Пифагор.

С годами пифагорейское движение могло превратиться в империю. И это была бы первая философско-этическая империя за всю историю. Вождем ее должен был стать человек, обладающий большими политическими способностями.

Собираясь перейти к следующему кандидату, Пифагор вынужден был остановиться. Он склонился к тетрактису и закрыл глаза. Странное ощущение прокатилось по спине и рукам, вздыбив волосы на коже. Он задержал поток мыслей, чтобы предзнаменование обрело более четкую форму. Но перед ним явилась все та же густая тьма, что и в прошлый раз. Некоторое время он всматривался в нее, пытаясь различить что-то еще, но в конце концов отказался от своих усилий. Полностью пришел в себя и поднял глаза.

Сидевший спиной к великолепным статуям муз Полигимнии и Мельпомены, Орест смущенно потупился, встретив пронзительный взгляд учителя.

«Ты все никак не простишь себе то, что давно искупил», — печально подумал Пифагор.

У халдейских волхвов¹ он научился считывать помыслы людей через жесты, мимику, взгляд или смех. В Оресте он с самого начала ощущал вину и сожаление. Когда-то давно,

¹ Здесь: вавилонское жречество и близкие к нему круги.

будучи молодым политиком, тот украл золото, воспользовавшись занимаемой им государственной должностью. Он вернул украденную сумму, а затем пожелал войти в общину. Пифагор устроил ему просмотр и был настроен скептически, но удивился, разгадав его помыслы. Он понял, что Орест никогда больше не совершит аморального поступка. Прежде чем пройти через таинства очищения, которым учил Пифагор, Орест подавил в себе склонность к себялюбию и жадности. Когда он пробыл три года акусматиком¹ и поднялся до степени математика, Пифагор пришел к выводу, что у него выдающиеся способности в области числовых понятий.

«Возможно, именно ты лучше других сочетаешь в себе математический дар и моральную чистоту, но если ты придешь к власти, запятнанное прошлое может стать опасным политическим оружием против тебя», — размышлял Пифагор.

Следующим в полукруге сидящих был Даарук. Он родился в царстве Кошала, одном из шестнадцати махаджанпад, великих государств в районе рек Инд и Ганг. Оттенок его кожи, более темный, чем у греков, — единственное, что выдавало в нем чужеземное происхождение. Он поселился со своим отцом в Кротоне одиннадцать лет назад и говорил на идеальном греческом без акцента. Сейчас ему было сорок три года, на два года меньше, чем Эвандру, что делало его самым молодым членом пифагорейской элиты. Интеллектуальные способности с самого начала выделяли его среди остальных.

Тем не менее делать его преемником Пифагора не соби-рался.

И не только потому, что назначение чужеземца вождем могло привести к трениям. Даарук обладал блестящим умом и был верным последователем моральных законов, но не раз проявлял тщеславие — возможно, из-за возраста. Кроме того, в последние годы он заметно обленился.

Последний ученик напряженно смотрел на Пифагора.

¹ Первая ступень посвящения пифагорейцев, где через акузмы, т.е. особые постулаты, постигалась мифорелигиозная и этическая части учения; члены второй, математической ступени, занимались наукой.

Аристомаху пятьдесят, и тридцать из них он провел с Пифагором.

Он необыкновенный математик, а его преданность не вызывает никаких сомнений.

Он бы без колебаний отдал жизнь за общее дело.

Прежде Пифагор ни разу не встречал человека, обуреваемого такой жадной жаждой знания. Никого, кто так ценил бы учение. Аристомах жадно впитывал каждую идею, как умирающий от жажды — единственную каплю воды, и вскоре начал вносить заметный вклад в жизнь общины.

Будь у него сильная личность, он был бы идеальным кандидатом.

Но сильной личности ему как раз не доставало.

В свои пятьдесят он был так же неуверен в себе и беспокоен, как десятилетний мальчишка. Он старался поменьше выходить из общины, и Пифагор давно не просил его проносить публичные речи.

Философ вздохнул и окинул взглядом сидящих в обратном направлении, не задерживаясь ни на одном из великих учителей: Аристомaxe, Дааруке, Оресте, Гиппокреонте, Эвандре и Клеомениде.

Потом склонил голову.

«Скорее всего, выберу Клеоменида. Окончательное решение приму через несколько месяцев», — кивнул он, обдумывая планы на будущее.

Избранник изменит мир.

Он взял обеими руками широкую чашу, стоявшую перед ним на полу. В чаше плескалось прозрачное вино, сквозь которое различалась фигура, вырезанная внутри: пентакль. Пятиконечная звезда, вписанная в пятиугольник. Еще один священный символ, скрывавший великие тайны природы. У пифагорейцев было принято, что к каждой вершине пентакля добавлялась буква, составлявшая слово *υγεία*, «здравие».

Пифагор поднял глаза. Тени учеников трепетали на стенах в такт священному огню. За ними виднелись музы, подсвеченные оранжевым пламенем.